Часть I

Академическая мобильность и научная коммуникация

УДК 327.82

DOI 10.17506/articles.mobility.2019.823

Кокорева Александра Игоревна,
студент факультета политики,
и международных отношений,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск,
E-mail: aleksandra.kokoreva98@mail.ru

Барсуков Александр Михайлович,
кандидат политических наук, заместитель декана
факультета политики и международных отношений,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск,
E-mail: barsukov@siu.ranepa.ru

Научная дипломатия и академическая мобильность как элементы «мягкой силы»

В статье анализируется использование потенциала научной дипломатии в контексте стратегии «мягкой силы». Автор рассматривает основные виды современной научной дипломатии и её связь с академической мобильностью. Раскрыты основные принципы каждого направления научной дипломатии. Подчеркнуто, что в последнее время роль научной дипломатии неуклонно возрастает, что обусловлено новыми экономическими, политическими и социальными вызовами. Приведены примеры видов международного научного сотрудничества некоторых стран в рамках данных направлений. При этом обращено внимание на примеры Китая и России в области создания и развития гуманитарной инфраструктуры. Подчеркнуто, что развитие гуманитарных инфраструктур способствует созданию новых каналов связи и форм коммуникаций. Рассмотрено сотрудничество Китая в сферах науки и образования в рамках инициативы «Один пояс – один путь» с различными странами, в том числе и с Россией. Обращено внимание на работу «Ин-

ститута Конфуция» по обмену студентами, преподавателями и распространению китайского языка и культуры. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих деятельность данной организации, был выбран Сибирский федеральный округ, город Новосибирск. В статье приведен анализ результатов анкетирования студентов высших учебных заведений города Новосибирска, изучающих китайский язык. Сделан вывод о том, что КНР активно и плодотворно реализуют свои программы «мягкой силы» по всему миру, в том числе и в регионах России. Приведены данные о сотрудничестве Сибирского федерального округа с Китаем в сферах науки и технологий. Рассмотрено сотрудничество РФ в рамках проекта евразийской интеграции в контексте стратегии «мягкой силы». Приведены сведения о деятельности РФ в сферах публичной дипломатии. Сделан вывод о том, что несмотря на успехи «мягкой силы» РФ, необходимо уделить внимание идеологической рефлексии и включить в интеграционную повестку вопросы научной дипломатии и образования.

Ключевые слова:

научная дипломатия, «мягкая сила», академическая мобильность, Китай, «Один пояс – один путь», Россия, евразийская интеграция.

В современном мире государства в условиях конкуренции и борьбы за реализацию национальных интересов вовлечены в процесс экспансии идей и ценностей. Это привело к тому, что в рамках теории транснациональной зависимости была разработана концепция *soft power*, которую впервые упомянул Джозеф Най в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» [Nye, 1990]. По утверждению Дж. Най, «мягкая сила» заключается в убеждении, а не в принуждении союзников; она не предполагает применения военных или экономических рычагов давления. Он выделял три типа внешнеполитических ресурсов: военный потенциал, экономическое могущество и нематериальные ресурсы [Nye, 1990]. В концепции «мягкой силы» государства делается акцент на распространение национальных ценностей, привлекательных для иностранных обществ [Букалова, 2018].

Публичная дипломатия – это система, посредством которой реализуются основные направления работы в области «мягкой силы» с опорой на институты «третьего сектора».

В свою очередь, общественная дипломатия – это взаимодействие, направленное на формирование контактов с зарубежной аудиторией с целью реализации культурно-гуманитарных проектов и сотрудничества. В её составляющие входят такие понятия, как «культурная дипломатия», «спортивная дипломатия», «экономическая дипломатия» и т.п., которые ориентированы на определённые сферы публичной дипломатии [Букалова, 2018]. Следовательно, в этот ряд может быть поставлена и научная дипломатия, к которой в течение последних двух-трех десятилетий в ряде стран отмечается возрастающий интерес. Данный интерес обусловлен широким кругом проблем в различных сферах общества и новыми политическими, экономическими и социальными вызовами современности.

Что представляет собой научная дипломатия? А. Шаров определяет научную дипломатию как «способность науки выполнять роль «мягкой силы» в области внешней политики». По словам Председателя Совета РФФИ, Академика РАН В. Панченко, научная дипломатия «является отражением интеллектуальной мощи страны». Таким образом, понимание науки как «мягкой силы» отражает растущую роль науки в развитии человеческой цивилизации. Влияние страны на международной арене во многом уже сейчас определяется её позициями технологического лидера, центра инноваций [Букалова, 2018].

Научная дипломатия, как таковая, возникла в 1899 г. Данным направлением интересуется немало отечественных и зарубежных исследователей, однако именно в 2009 г. научная дипломатия перешла на новый этап развития. Конференция «Новые горизонты научной дипломатии», прошедшая под руководством Королевского научного сообщества Великобритании и Американской ассоциаций развития науки, определила как дальнейший вектор развития научной дипломатии, так и подходы к её определению. В ходе конференции были сформулированы три основных современных направления научной дипломатии: наука в дипломатии, дипломатия для науки и наука для дипломатии.

Каждое направление характеризуется определёнными аспектами, обусловленными спецификой его деятельности. Европейские страны, Китай, США, Индия, Россия – все эти страны стремятся использовать преимущества научной дипломатии, реализуя внешнеполитические цели и задачи.

«Наука в дипломатии» направлена на научно-информационную поддержку внешней политики, связана с по-

иском решения глобальных проблем природного и экологического характера. Учёные и исследователи занимаются выработкой рекомендаций в рамках целей международной политики государства.

В международной практике существует масса примеров, иллюстрирующих деятельность в рамках данного направления. Одним из них выступает экспертная дискуссия на тему «Научная дипломатия: сотрудничество России и США в Арктике» в 2017 г., в ходе которой обсуждались возможности российско-американского сотрудничества в Арктике в условиях кризиса отношений России и Запада, а также роль научной дипломатии в снижении международной напряженности в Арктическом регионе. Ключевым моментом являются результаты совместного проекта учёных из России, Канады, Дании, Норвегии, Швеции и США, создавших детальный геологический атлас Арктики. Эти результаты поспособствовали обсуждению, а также решению ряда актуальных вопросов [Киселёв, Нечаева, 2017].

Деятельность направления «дипломатия для науки» сосредоточена на содействии международному научному сотрудничеству стран по вопросам совместных исследований, проектов, а также конференций по вопросам науки. Одной из стран, которая ведет активную деятельность в данном направлении, является Великобритания, развивающая совместные научные проекты с такими странами, как США, Индия и Китай. Проводя совместные встречи, конференции и саммиты, Великобритания заключает соглашения с рядами стран по вопросам сотрудничества в сфере науки, инноваций и технологий. Одним из ярких примеров выступает проект «Мосты науки» [The Science Bridge].

Последнее направление, «наука для дипломатии», является основой политического диалога. В рамках данного направления научное сотрудничество используется для улучшения отношений между странами. Прежде всего, «наука для дипломатии» опирается на «мягкую силу» науки, её привлекательность в качестве национального актива государства [Киселёв, Нечаева, 2017].

В качестве примера следует привести научное сотрудничество России и Германии. Примечательно, что научные связи между РФ и Германией имеют многовековую традицию. После распада Советского Союза они во многом были созданы заново и упрочены, например, благодаря соглашению о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами. Высокое

значение российско-германских отношений иллюстрирует и «Российско-германская дорожная карта в области образования, науки, исследований и инноваций», которая была разработана в 2017 г. В ней была зафиксирована совместная деятельность и проекты на ближайшие десять лет [см. об этом: Наука и образование, 2018].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что связи между наукой и внешней политикой способны укрепить дипломатические отношения государств: с одной стороны, политика способствует формированию и упрочнению контактов отечественных и зарубежных учёных, а с другой – научные партнерства служат опорой для дипломатических отношений.

Научная дипломатия развивается за счёт усиления интересов и мотиваций её акторов и тесно связана с понятием академической мобильности. В области международного образования под академической мобильностью понимают ограниченный период обучения студента в стране, гражданином которой он не является [Андреева, 2012]. Более того, академическая мобильность подразумевает не только способность передвижения студентов и учёных из одного высшего учебного заведения в другое, но и возможность интеграции представителей научного сообщества государства в международное пространство с целью совместных исследований, увеличения программ обмена, установления контактов между высшими учебными заведениями и научными центрами.

Академическая мобильность предоставляет ряд преимуществ, которыми пользуются как студенты, так и учёные: доступ к новым знаниям, новейшим экспериментальным установкам, возможность найти дополнительные источники финансирования. В свою очередь, для внешнеполитического сообщества наука предлагает нейтральные каналы коммуникации, которые могут быть полезны для реализации более широких стратегических целей [Киселёв, Нечаева, 2017].

Таким образом, использование нематериальных ресурсов в реализации стратегий «мягкой силы» современных государств привело к тому, что научная дипломатия и академическая мобильность стали неотъемлемыми элементами программ, направленных на создание привлекательного образа, укрепления позиций государства, а также усиления его влияния за рубежом.

По мнению социолога Майкла Манна, конец XX – начало XXI в. ознаменовался кризисом неолиберализма и появлением новых экономических центров. На перечисленные

перемены соответствующим образом реагируют ведущие мировые «игроки», к числу которых, безусловно, относятся КНР и Россия. Каким образом страны реализуют потенциал научной дипломатии?

В 2013 году Китай выдвинул одну из самых амбициозных инициатив XXI века под названием «Один пояс – один путь», который вобрал в себя большую часть внешнеэкономической, а также внешнеполитической повестки государства. Данная инициатива привлекательна тем, что она подразумевает не развитие Китая за счёт других государств, а вклад КНР в общее развитие [Лукин, 2016].

Инициатива «Один пояс – один путь» – это гибкий механизм политического согласования, который охватывает разные уровни, использует разнообразные каналы и формы коммуникации. Для создания и поддержания данных каналов и связей, Китай уделяет большое внимание не только вопросам экономического роста и сотрудничества, но также развивает программы «мягкой силы», выдвигая гуманитарные инициативы [Зуенко, 2017]. Научная дипломатия выступает как направление сотрудничества по построению гуманитарной инфраструктуры, помогает развивать совместные проекты и исследования в сфере науки, направлена на создание и развитие научно-исследовательских центров. Также, согласно идеологии, целям и задачам инициативы «Пояса и пути», уделяется внимание не только вопросам науки, но и образования, культурной интеграции, международных коммуникаций, подготовки кадрового резерва и специалистов для дальнейшей кооперации.

Таким образом, инициатива «Пояса и пути» предусматривает широкий спектр направлений гуманитарного сотрудничества – культурные, научные обмены, сотрудничество СМИ, а также контакты по линии молодежных, женских и волонтерских организаций [Лукин, 2016]. Данный спектр обеспечивает распространение «мягкой силы» Китая на все страны, которых касается данная инициатива.

К примеру, известно, что одним из важнейших инструментов «мягкой силы» является предоставление образовательных услуг иностранным гражданам как внутри государства, так и за его пределами. С уверенностью можно сказать, что в данной сфере Китай произвел настоящий прорыв. Согласно исследованиям Чубарова и Калашникова, в период с 2005 по 2014 г. число иностранных учащихся в КНР утроилось, благодаря чему страна вышла на третье место в мире по этому

показателю. В конце 2015 г. в Китае более чем в 800 учебных заведениях обучалось 398 тыс. иностранцев. Более 40 тыс. студентов ежегодно обучаются за счёт правительства КНР (рост в 5,5 раз за 10 лет) и ещё столько же, если не больше (точной статистики нет), – в рамках квот провинций или городов. Широко распространены бесплатные стажировки для иностранных научно-педагогических работников и курсы повышения квалификации иностранцев – преподавателей китайского языка. Также для привлечения иностранных студентов увеличилось число стипендий и курсов на английском языке [Чубаров, Калашников, 2018, с. 29].

Более того, одним из ярких примеров выступает «Институт Конфуция» – учебный центр, который функционирует во многих регионах России. С его помощью Китай распространяет свой язык и культуру в глобализирующемся мире. За границей для продвижения китайского языка и культуры созданы 512 Институтов Конфуция (в вузах) и 1073 классов Конфуция (в школах) [Чубаров, Калашников, 2018, с. 29].

Почему для Китая так важно инвестировать в зарубежный «кадровый резерв»? В первую очередь это необходимо для продвижения положительного образа не только среди зарубежной интеллектуальной элиты, но и академического сообщества в целом: у студентов формируются взгляды и ценности, характерные для страны обучения, которые они будут ретранслировать в стране проживания.

Однако эффективна ли данная политика в России, в частности, в её регионах? Рассмотрим пример Сибирского федерального округа, г. Новосибирск.

На данный момент в городе ведут активную деятельность два Института Конфуция. Ежегодно студенты языковых, а также других специальностей, связанных с зарубежным регионоведением и международными отношениями, проходят практику или обучаются в течение полугода или года в китайских вузах. В свою очередь, новосибирские учебные заведения принимают представителей Китая в качестве преподавателей или студентов. Был проведен опрос среди студентов ведущих вузов Новосибирска, таких как СИУ РАНХиГС, НГУ, НГТУ, НГУЭУ, чтобы выяснить, какое число студентов из Сибири уже принимало участие в академических программах, предоставленных Китаем, и каково их отношение к стране пребывания.

Всего в опросе приняли участие более 100 студентов. По статистике, 94% процента опрошенных выбрали китайский

язык в качестве второго иностранного. Более того, порядка половины респондентов стабильно участвуют в мероприятиях Института Конфуция и еще 24 % планируют. Также треть студентов из числа опрошенных уже принимали участие в китайских программах академического обмена. Более того, почти 40 % планируют ехать в Китай в образовательных целях. Необходимо отметить, что порядка 40 % студентов планируют ехать в КНР в целях работы, учебы или переезда, 32 % опрошенных посетят Китай лишь при возможности финансирования.

Говоря о сотрудничестве Китая и Сибирского округа, нельзя не упомянуть взаимодействие КНР с институтами СО РАН. В начале 2017 года состоялось заседание Президиума РАН, на котором рассматривались вопросы научной дипломатии [Хализева, 2018, с. 496]. С докладом выступил П.В. Логачев, отметивший, что Институт ядерной физики СО РАН постоянно получает заказы из Китая, Южной Кореи, Индии. Более того, Логачев обратил внимание на то, что в связи с реализацией Китаем стратегии «Новый шелковый путь» возрастает роль СО РАН как экспертной и организующей структуры, защищающей национальные интересы страны. В своем докладе Логачев сообщил, что СО РАН готово к эффективному взаимодействию со странами участницами Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), но при этом необходима финансовая, организационная и правовая поддержка руководства РАН, ФАНО, центральных и региональных органов власти [Хализева, 2018, с. 496].

Таким образом, Китай последовательно и системно инвестирует в различные гуманитарные структуры и сферы в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Некоторые из проектов, к примеру, вышеупомянутый «Институт Конфуция», были реализованы с большим успехом.

Какого вектора развития придерживается РФ, каким образом распространяет свою «мягкую силу»? Если КНР осуществляет внешнюю политику в рамках инициативы «Один пояс – один путь», то Россия вместе с партнерами по ЕАЭС продвигает проект евразийской интеграции. Концепция внешней политики России 2016 г. поясняет, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего, возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным

дипломатическим методам». Однако в концепции внешней политики 2016 г. нет обозначения понятия «публичная дипломатия», но отражается понятие «сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач» [Концепция внешней политики, 2016].

В международном рейтинге 2018 г. Portland Communications «мягкая сила» России заняла 28-е место [McCloy, 2018]. Одним из институтов реализации «мягкой силы» России является организация Россотрудничество, имеющая филиалы в 48 странах мира. Согласно документам Россотрудничества предполагается участие 45 стран в реализации комплекса мероприятий, направленных на развитие интеграции в Евразии, гуманитарное сотрудничество, поддержку соотечественников и экспорт российского образования [Кочин, 2017]. В 2017 г. в РФ был определён список из 39 вузов, участвующих в экспорте образования [Правительство определило ..., 2017]. По итогам приемной кампании 2017 года количество заявлений на обучение в российских вузах от иностранных абитуриентов превысило в 6 раз число квот. В частности, в Новосибирской области планируется увеличение иностранных студентов к 2025 году до 24000.

Фонд «Русский мир» поддерживает русский язык и соотечественников, проживающих за рубежом, способствует формированию позитивного имиджа России. Согласно отчету о деятельности Фонда «Русский мир» за 2017 г., в настоящее время открыто 117 Русских центров и 144 Кабинета Русского мира в 60 странах мира. В период 2007–2017 гг. Фонд «Русский мир» одобрил 2055 заявок на предоставление грантов, из них в 2017 г. было поддержано 178 заявок на получение финансирования, причём приоритет отдавался странам евразийского пространства [Кочин, 2017].

Одной из форм «мягкой силы» России и других стран в Центральной Азии является экономическая поддержка и инвестиции. Так, с 1992 по 2017 гг. Россия инвестировала в регион порядка \$20 млрд. [Помощь России ..., 2017].

Центральная Азия стала геополитическим регионом, за который идет конкуренция между альянсами. Европейский Союз в сентябре 2018 г. принял новую стратегию ЕС в Центральной Азии, подразумевающую увеличение инвестиций, создание транспортных, логистических и цифровых сетей, развитие двусторонних и глобальных партнёрств [Connecting

Europe ..., 2018]. В этой связи российский исследователь Леонид Гусев считает, что конкуренция ЕС и ЕАЭС для России означает, что необходимо поддерживать проекты, направленные на единство в военно-политической, экономической, научной, образовательной и культурной сферах [Гусев, 2018].

В заключение хотелось бы отметить важность ценностного наполнения и измерения внешней политики. Анализ реализации «мягкой силы» Китая, в частности, развитие гуманитарной инфраструктуры, позволяет сделать вывод о том, что Китай обладает достаточным ценностным потенциалом для дальнейшего наращивания своего «культурного присутствия», в том числе и в России, что обуславливает необходимость усиления культурной стратегии РФ с целью выстраивания гармоничного взаимодействия двух стран. Очевидно, что несмотря на успехи, «мягкая сила» России нуждается в идеологической рефлексии с последующей ревизией мер, направленных на сопровождение внешнеполитической деятельности. Более того, инструменты публичной и общественной дипломатии нуждаются в адаптации к внешним и внутренним изменениям на национальном и международном уровнях. Также необходимо включить в интеграционную повестку вопросы, связанные с образованием и научной дипломатией, и, очевидно, что с последующим развитием проекта евразийской интеграции потребуется повышение значимости роли участия регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева К. С. 2012. Международная академическая мобильность как фактор развития внутренней академической мобильности // *Вопр. современной науки и практики. Ун-т им. И. В. Вернадского*. № 4. С. 85–88.

Букалова С. В. 2018. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений [Электронный ресурс] // *Мировая политика*. № 2. С. 95–103. DOI 10.25136/2409–8671.2018.2.25855. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_25855.html (дата обращения: 01.10.2018).

Гусев Л. Ю. 2018. Взаимодействие ЕС и ЕАЭС в Центральной Азии [Электронный ресурс], 19 июля. URL: <https://regnum.ru/news/2450566.html> (дата обращения: 01.10.2018).

Зуенко И. 2017. Новый шелковый путь и будущее региональной кооперации [Электронный ресурс]: результаты работы эксперт. семинара (Иркутск–Владивосток, сент. 2017 г.).

31 с. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/14459.pdf> (дата обращения: 29.10.2018).

Кашин В.Б., Королев А.С. 2018. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и междунар. отношения. № 3. С. 78–85.

Киселёв В., Нечаева Е. 2017. Новое измерение научной дипломатии [Электронный ресурс], 15 дек. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/> (дата обращения: 01.10.2018).

Концепция внешней политики, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 01.10.2018).

Кочин В.В. (ред.) 2017. Отчёт о деятельности Фонда «Русский мир» в 2017 году [Электронный ресурс]. М. 54 с. URL: https://ruskiymir.ru/events/docs/report_2017.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

Лукин А.В. (рук. авт. колл.) 2016. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка и задачи [Электронный ресурс]: аналит. докл. / А.В. Лукин (рук. авт. колл.), С.Г. Лузянин, Ли Синь, И.Е. Денисов, К.Л. Сыроежкин, А.С. Пятакова. М.: Науч. эксперт. 130 с. URL: <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/11/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (дата обращения: 29.10.2018).

Наука и образование: спец. – вып. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dfg.de/ru/zentralablage_ru/pdf/nachrichten/181001_mdz_2018.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

Отчёт о ходе реализации Публичной декларации целей и задач за I полугодие 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

Оя Е. 2017. Борьба за место: в 2017 году число иностранных абитуриентов в российских вузах в 6 раз превысило количество квот [Электронный ресурс], 29 авг. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya> (дата обращения: 01.10.2018).

Панченко В.Я. 2018. Научная дипломатия: Вклад РФФИ // Вестн. Рос. фонда фундамент. исслед. № 1. С. 26–32.

Помощь России странам Центральной Азии превысила \$ 6 млрд. за 10 лет [Электронный ресурс], 04 окт. 2017. URL: <http://eurasia.expert/pomoshch-rossii-stranam-tsentralnoy-azii-prevysila-6-mlrd/> (дата обращения: 01.10.2018).

Правительство определило 39 вузов для экспорта российского образования [Электронный ресурс], 08 сент. 2017. URL: www.susu.ru/ru/news/2017/09/08/pravitelstvo-opredelilo-39-vuzov-dlya-eksporta-rossiyskogo-obrazovaniya (дата обращения: 01.10.2018).

Утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс], 14 июня 2017. URL: <http://www.cluster-nso.ru/news/utverzhdyon-pasport-prioritetnogo-proekta-razvitiye-eksportnogo-potentsiala-rossiyskoy-sistemyi-obrazovaniya/> (дата обращения: 01.10.2018).

Хализева М.Е. 2018. Научная дипломатия как элемент «мягкой силы» // Вестн. Рос. акад. наук. № 6. С. 492–499.

Чубаров И.Г., Калашиников Д.Б. 2018. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международн. отношения. № 1. С. 25–33.

Connecting Europe and Asia: Building blocks for an EU strategy, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en (дата обращения: 01.10.2018).

McClory J. 2018. The soft power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2018 [Электронный ресурс] / Designed by Portland's in-house Content & Brand team. Portland: USC Center on Public Diplomacy. 180 p. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

Nye J.S. 1990. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power [Электронный ресурс]. New York: Basis Books. 32 p. URL: <http://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

The Science Bridge [Электронный ресурс]. URL: <https://thesciencebridge.org/> (дата обращения: 01.10.2018).

References

Andreeva K.S. *Mezhdunarodnaya akademicheskaya mobil'nost' kak faktor razvitiya vnutrenney akademicheskoy mobil'nosti* [International academic mobility as a factor in the development of internal academic mobility], *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. I.V. Vernadskogo*, 2012, no. 4, pp. 85–88. (in Russ.).

Bukalova S.V. *Nauchnaya diplomatiya: sushchnost' i rol' v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy* [Scientific diplomacy: the nature and role in the system of international relations], *Mirovaya politika*, 2018, no. 2, pp. 95–103. DOI 10.25136/2409–8671.2018.2.25855, available at: http://e-notabene.ru/wi/article_25855.html (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Chubarov I.G., Kalashnikov D.B. «*Odin poyas – odin put'*»: *globalizatsiya po-kitayski* [«One belt – one road»: globalization in Chinese], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, no. 1, pp. 25–33. (in Russ.).

Connecting Europe and Asia: Building blocks for an EU strategy, 2018, available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en (accessed October 01, 2018).

Gusev L. Yu. *Vzaimodeystvie ES i EAES v Tsentral'noy Azii* [EU-EAEU interaction in Central Asia], July 19, 2018, available at: <https://regnum.ru/news/2450566.html> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Kashin V.B., Korolev A.S. *Pomoshch' KNR stranam Tsentral'noy Azii* [China's Aid to Central Asia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnykh otnosheniya*, 2018, no. 3, pp. 78–85. (in Russ.).

Khalizeva M.E. *Nauchnaya diplomatiya kak element «myagkoy sily»* [Scientific diplomacy as an element of “soft power”], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, no. 6, pp. 492–499. (in Russ.).

Kiselev V., Nechaeva E. *Novoe izmerenie nauchnoy diplomatii* [New dimensions of scientific diplomacy], December 15, 2017, available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Kochin V.V. (ed.) *Otchet o deyatel'nosti Fonda «Russkiy mir» v 2017 godu* [Report on the activities of the Russian World Foundation in 2017], Moscow, 2017, 54 p., available at: https://russkiymir.ru/events/docs/report_2017.pdf (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Kontseptsiya vneshney politiki, 2016 [Foreign policy concept], available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Lukin A.V., Luzyanin S.G., Li Sin', Denisov I.E., Syroezhkin K.L., Pyatachkova A.S. *Kitayskiy global'nyy proekt dlya Evrazii: postanovka i zadachi: analit. dokl.* [Chinese global project

for Eurasia: statement and objectives], Moscow, Nauchn. ekspert, 2016, 130 p., available at: URL: <https://centero.ru/wp-content/uploads/2016/11/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

McClory J. *The soft power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2018*, Designed by Portland's in-house Content & Brand team, Portland, USC Center on Public Diplomacy, 2018, 180 p., available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (accessed October 01, 2018).

Nauka i obrazovanie: spets. – vyp. [Science and Education: New special issue MDZ], 2018, available at: https://www.dfg.de/ru/zentralablage_ru/pdf/nachrichten/181001_mdz_2018.pdf (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, New York, Basis Books, 1990, 32 p., available at: <http://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf> (accessed October 01, 2018).

Otchet o khode realizatsii Publichnoy deklaratsii tseley i zadach za I polugodie 2017 goda [Report on the implementation of the Public Declaration of goals and objectives for the 1st half of 2017], available at: URL: <http://rs.gov.ru> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Oya E. *Bor'ba za mesto: v 2017 godu chislo inostrannykh abiturientov v rossiyskikh vuzakh v 6 raz prevysilo kolichestvo kvot* [Fight for a place: in 2017, the number of foreign applicants in Russian universities was 6 times higher than the number of quotas], August 29, 2017, available at: <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Panchenko V. Ya. *Nauchnaya diplomatiya: Vklad RFFI* [Scientific Diplomacy: The Contribution of RFBR], *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*, 2018, no. 1, pp. 26–32. (in Russ.).

Pomoshch' Rossii stranam Tsentral'noy Azii prevysila \$ 6 mlrd. za 10 let [Russian support to Central Asia exceeded \$ 6 billion over 10 years], October 04, 2017, available at: <http://eurasia.expert/pomoshch-rossii-stranam-tsentralnoy-azii-prevysila-6-mlrd/> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Pravitel'stvo opredelilo 39 vuzov dlya eksporta rossiyskogo obrazovaniya [The government has identified 39 universities for the export of Russian education], September 08, 2017, available at: www.susu.ru/ru/news/2017/09/08/pravitelstvo-opredelilo-39-

vuzov-dlya-eksporta-rossiyskogo-obrazovaniya (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

The Science Bridge, available at: <https://thesciencebridge.org/> (accessed October 01, 2018).

Utverzhden pasport prioritetnogo proekta «Razvitie eksportnogo potentsiala rossiyskoy sistemy obrazovaniya» [The passport of the priority project «Development of the export potential of the Russian education system» was approved], June 14, 2017, available at: <http://www.cluster-nso.ru/news/utverzhdyn-pasport-prioritetnogo-proekta-razvitie-eksportnogo-potentsiala-rossiyskoy-sistemyi-obrazovaniya/> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Zuenko I. *Novyy shelkovyy put' i budushchee regional'noy kooperatsii: rezul'taty raboty ekspert. seminar (Irkutsk–Vladivostok, sent 2017 g.)* [New Silk Road and the Future of Regional Cooperation: results of the expert seminar (Irkutsk–Vladivostok, September 2017)], 2017, 31 p., available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/14459.pdf> (accessed October 01, 2018). (in Russ.).

Alexandra I. Kokoreva,

Student, Faculty of International Relations,
Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa,
Novosibirsk,
E-mail: aleksandra.kokoreva98@mail.ru

Alexander M. Barsukov,

PhD in Political Science, Deputy Dean,
Faculty of Politics and International Relations,
Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa,
Novosibirsk,
E-mail: barsukov@siu.ranepa.ru

Science Diplomacy and Academic Mobility as Soft Power Elements

Abstract

The article is devoted to the analysis of the use of science diplomacy potential in the context of Soft Power strategy. The author examines the main types of modern science diplomacy and its connection with the academic mobility. The basic principles of each science diplomacy direction are revealed. It was also emphasized

that recently the role of science diplomacy has been steadily increasing due to new economic, political and social challenges. Examples of the international scientific cooperation of some countries were given according to each direction. At the same time, attention was drawn to the examples of China and Russia in the field of creating and developing humanitarian infrastructure. It was emphasized that the development of humanitarian infrastructure contributes to the creation of new channels and forms of communication. The cooperation of China in the fields of science and education in the framework of the initiative “One belt – one road” with various countries, including Russia, is considered. Attention was paid to the work of the Confucius Institute on the exchange of students, teachers and the spread of the Chinese language and culture. The Siberian Federal District, practically the city of Novosibirsk, was chosen as one of the examples illustrating the activities of this organization. The article provides an analysis of the results of a survey of students of higher educational institutions who study Chinese in Novosibirsk. It was concluded that China actively and fruitfully implements its “soft power” programs throughout the world, including Russian regions. The data on the science and technology cooperation of the Siberian Federal District with China are given. The cooperation of the Russian Federation in the framework of the Eurasian integration project as a strategy of “soft power” is considered. The data on the activities of the Russian Federation in the areas of public diplomacy are given. It was concluded that despite the successes of the Russian Federation “soft power”, it is necessary to pay attention to ideological reflection and include issues of science diplomacy and education in the integration agenda.

Keywords:

science diplomacy, “soft power”, academic mobility, China, “One belt – one road” initiative, Russia, Eurasian integration.